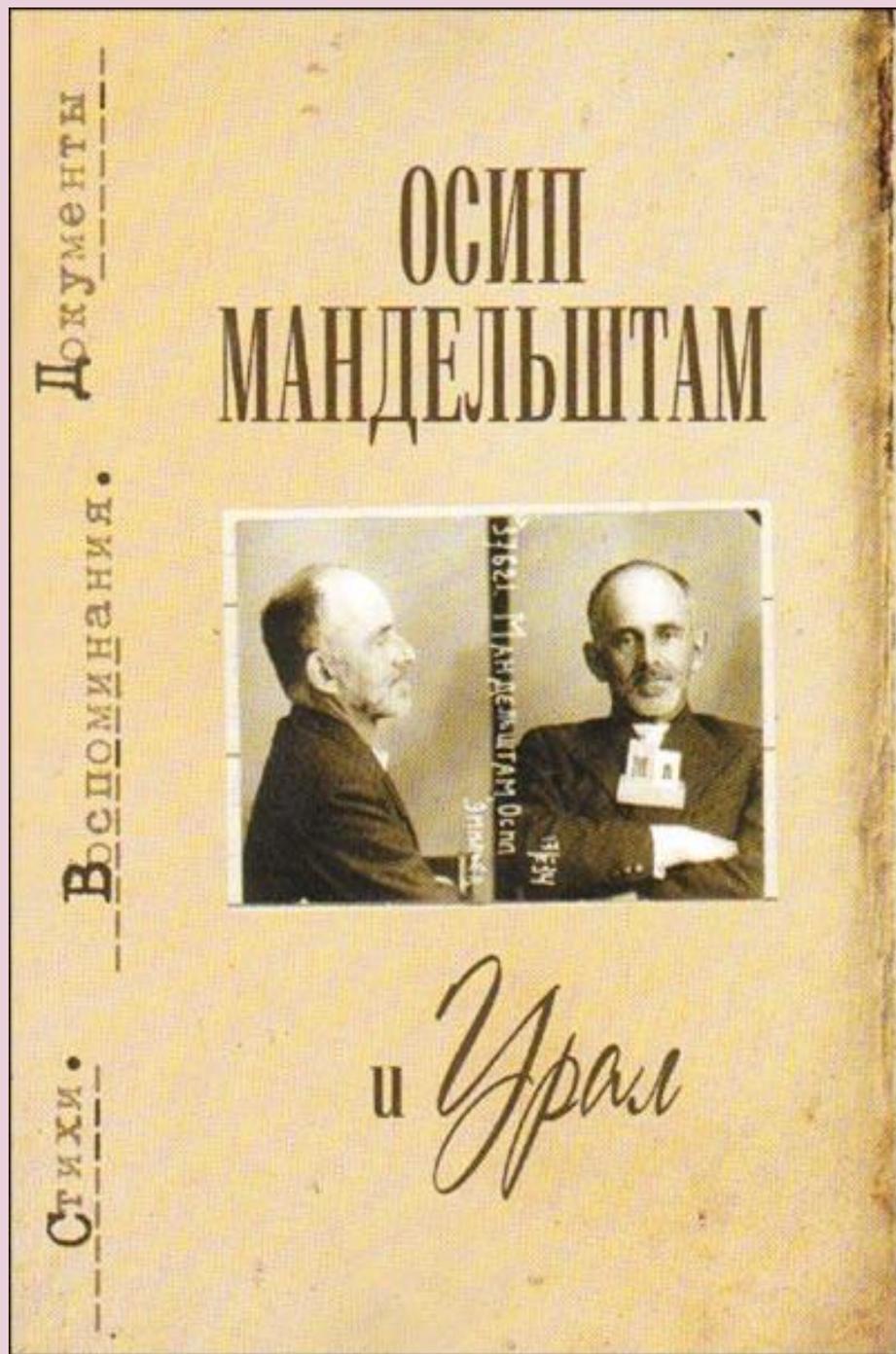

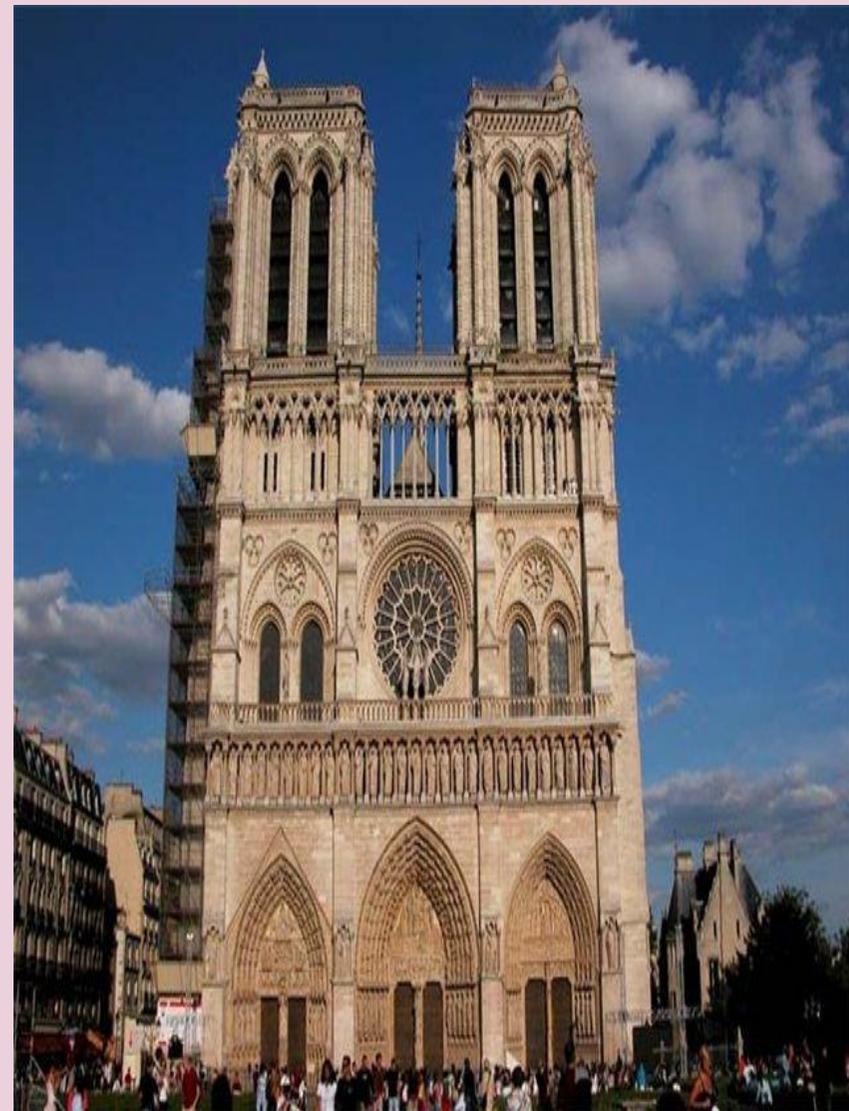
Стихи О. Мандельштама.

Презентация учителя
литературы Сафоновой Т.Н.

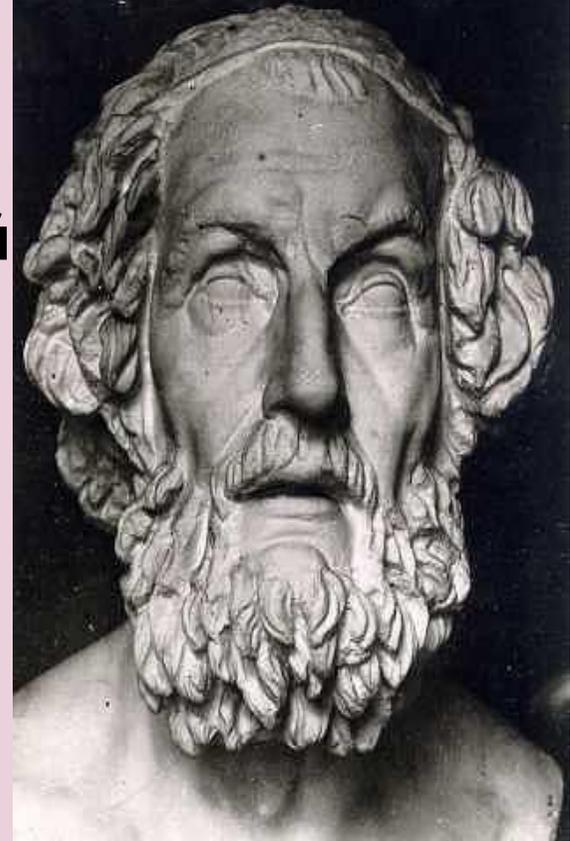
Notre Dame

Где римский судия судил чужой народ —
Стоит базилика, и — радостный и первый —
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый лёгкий свод.
Но выдаёт себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.
Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом — дуб, и всюду царь —
отвес.
Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные рёбра,—
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...
1912

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

**Я список кораблей прочёл до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный
Что над Элладою когда-то поднялся.
Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывёте вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?
И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море чёрное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.**

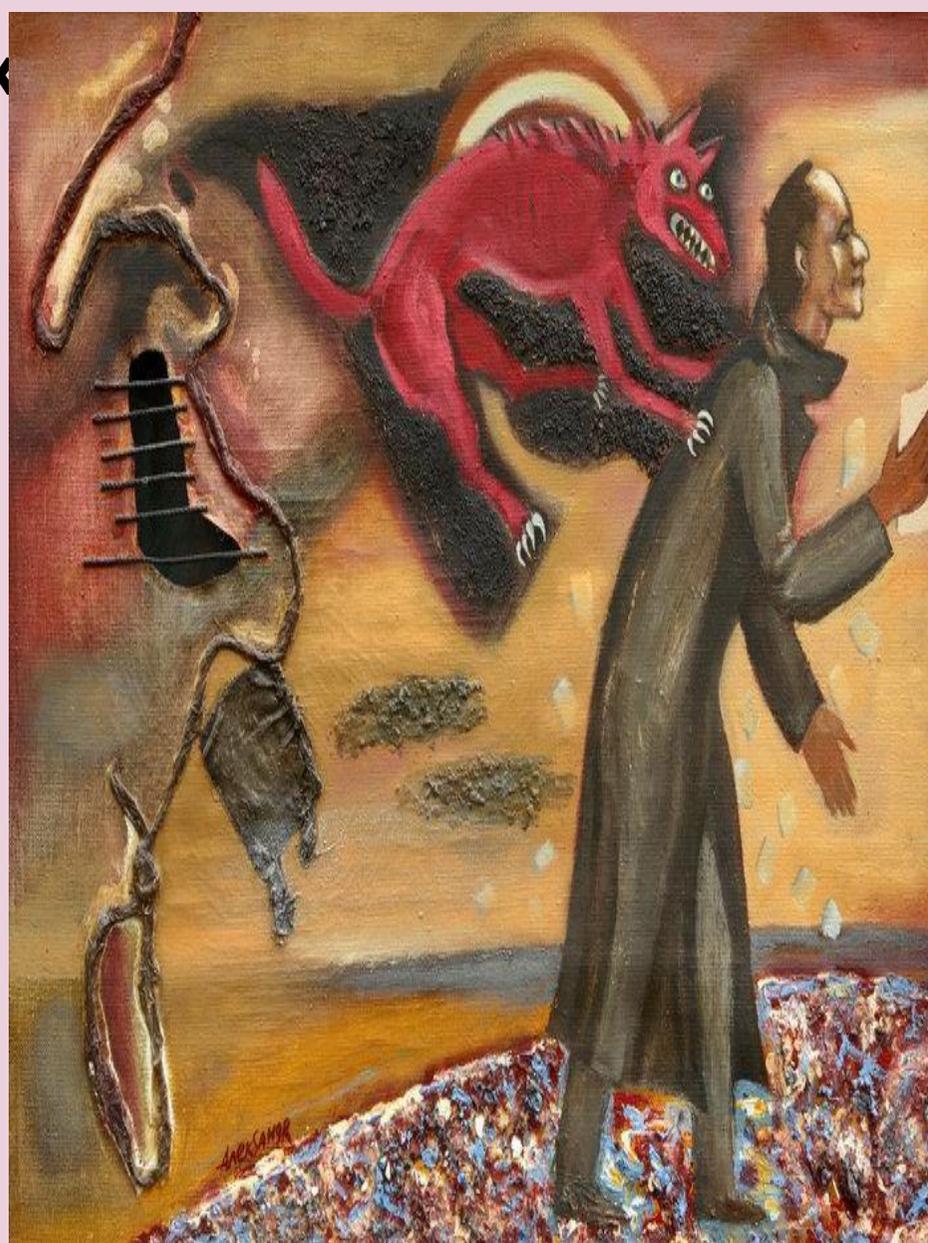

**За гремучую доблесть грядущих
веков,**

**За высокое племя людей —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.
Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.**

17-28 марта 1931, конец 1935

**Сюжет стихотворения
О.Э.Мандельштама
«За гремучую доблесть
грядущих веков...»,
написанного в тридцатые
годы двадцатого
века,
имеет автобиографическую
основу.
Как и многие другие деятели
культуры
и искусства,
автор этих строк попал
в жернова
сталинских репрессий.**

**Личность лирического героя в этом (2)
произведении уникальна.
Главное для нее — сохранить самоуважение,
не уподобиться
вопреки законам жестокой эпохи
звериной сущности волков.**

**Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денёк,
Где к зловещему дёгтю подмешан желток.
Петербург! я ещё не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня ещё есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.**

Невыразимая печаль

Открыла два огоромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна

Tristia (1)

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье —
Последний час вигилий городских,
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели вдаль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.
Кто может знать при слове "расставанье"
Какая нам разлука предстоит,
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит,
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сенях лениво вол жуёт,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьёт?
И я люблю обыкновенье пряжи:
Снуёт челнок, веретено жужжит.
Смотри, навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Декия летит!

Tristia (2)

О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Всё было встарь, всё повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.
Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.

1918

(Эреб - мрачные глубины царства [Аида](#), вечный Мрак. Возник из Хаоса, муж [Никты](#), отец [Гемеры](#), [Гипноса](#), [Танатоса](#), [Мома](#), [Немесиды](#), [Харона](#))

(

Батюшков

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живёт.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поёт.
Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему:
В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.
Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашёл от смущения слов:
Ни у кого — этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов...
Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принёс
Шум стихотворства и колокол братства
И гармоничный проливень слёз.

Батюшков (2)

**И отвечал мне оплакавший Тасса:
Я к величаньям ещё не привык;
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык...
Что ж! Поднимай удивлённые
брови,
Ты, горожанин и друг горожан,
Вечные сны, как образчики крови,
Переливай из стакана в стакан...**

Х Х Х

**Мне стало страшно жизнь отжить —
И с дерева, как лист, отпрыгнуть,
И ничего не полюбить,
И безымянным камнем кануть;
И в пустоте, как на кресте,
Живую душу распиная,
Как Моисей на высоте,
Исчезнуть в облаке Синая.
И я слежу — со всем живым
Меня связующие нити,
И бытия узорный дым
На мраморной сличаю плите;
И содроганья тёплых птиц
Улавливаю через сети,
И с истлевающих страниц
Притягиваю прах столетий.
*Не позднее 5 августа 1910***

